

Л. Р. Савченко

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Искренность vs щирість: культурно-историческая семантика слова в близкородственных языках

Савченко Л. Р. Искренность vs щирість: культурно-історична семантика слова у споріднених мовах. У статті порівнюються російське слово ИСКРЕННОСТЬ, що є номінацією національно-специфічної комунікативної категорії, та його український корелят ЩИРИСТЬ. Показується, як історичний зв'язок з різними мовними джерелами впливає на специфіку значення слів та характер їх семантичної деривації.

Ключові слова: історико-культурний контекст, комунікативна категорія, ціннісний смисл, концепт.

Савченко Л. Р. Искренность vs щирість: культурно-историческая семантика слова в близкородственных языках. В статье сопоставляются значения русского слова искренность, являющегося номинацией национально-специфической коммуникативной категории, и его украинского коррелята щирість. Показывается, как историческая связь с разными языками-источниками обуславливает специфику значений этих слов и характер их семантической деривации.

Ключевые слова: историко-культурный контекст, коммуникативная категория, ценностный смысл, концепт.

Savchenko L. R. Sincerity (iskrennost) vs. Candour (shchirist): Cultural and Historical Semantics of the Word in the Closely-Related Languages. The meanings of the Russian word iskrennost, which nominates a nationality-specific communicative category, is contrasted with its Ukrainian correlative shchirist in the article. The study suggests that the historical link with different languages as sources leads to the peculiarities of the meanings as well as the nature of their semantic derivation.

Keywords: historical and cultural context, communicative category, axiological meaning, concept.

Проблема семантических соответствий слов в близкородственных языках чаще всего возникает в осмыслении практики перевода. Как правило, объектом внимания лингвистов становится межъязыковая омонимия (так называемые «ложные друзья переводчиков»). Наряду с этим в контексте украинско-русских семантических соответствий значимой оказывается проблема концептуальных связей слов, выявляющих либо тождественность, либо нетождественность культурного фона соответствующих понятий. Особенно ярко это несоответствие проявляется, когда близкие понятия в русском и украинском языках связаны с разными корнями слов, а последние – с разными историческими источниками¹.

Выбор слов, сопоставляемых в данной статье, объясняется культурной значимостью ИСКРЕННОСТИ, которая является важной категорией русского коммуникативного стиля. В отдельных случаях искренность позиционируется как категория экзистенциального содержания: «Спасенье ты, российская земля, спасенье – твоя искренность» Есенин. [‘В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО’ // Труд-7, 2003.12.18]² Украинский словесный эквивалент

этого понятия – ЩИРИСТЬ – выявляет некоторые особенности, которые могут проявляться как семантически, так и прагматически. Показать эти особенности и осмыслить породившие их исторические причины – цель предлагаемой статьи. Для реализации этой цели сопоставим значения соответствующих слов и историко-культурные контексты освоения соответствующих понятий.

Русское слово искренность является производным от прилагательного искренний. Его значение в толковых словарях определяется так: «выражающий подлинными мыслями и чувствами, лишенный притворства, правдивый, откровенный, чистосердечный» [11:679]. Как видим, в ряду синонимов, раскрывающих значение понятия ИСКРЕННОСТЬ, расположены предикаты разного типа: правдивый – аттрактор концепта ПРАВДА, откровенный – прагматический оператор, связанный с оценкой передаваемого содержания своим или чужим адресатам, чистосердечный – оценочный предикат, характеризующий интенции адресанта.

Если исходить из того, что человек, как правило, выражает подлинными мыслями и чувствами словами, то искренность оказывается параметром оценки речевого (и шире – социального) поведения человека с точки зрения соответствия выраженных мыслей и чувств действительному положению дел³. В случае

данным «Українського національного лінгвістичного корпусу» [6]

¹ Ранее было показано, как подобные особенности обуславливают различия концептуального фона русского слова ОБИДА, связанного с концептом СПРАВЕДЛИВОСТЬ, и украинского слова польского происхождения ОБРАЗА, связанного с концептом ДОСТОИНСТВО [9].

² Здесь и далее иллюстративный русскоязычный материал приводится по данным «Национального корпуса русского языка» [7], а соответствующий украиноязычный – по

³ А. Вежицка, исследователь культурных смыслов, выраженных в языке, так передает это содержание: «Я не знаю, чего говорить нельзя, но обычно считается, что

устойчивости признаков такого поведения искренность воспринимается как свойство характера или психологическая характеристика: искренний /неискренний человек; признак искренний используется также для характеристики профессиональной, социальной и/или коммуникативной роли: искренний (друг, актер, популист, пастырь, свидетель, опровергатель и т. п.). Будучи связанным с ситуацией общения, это слово диагностирует соотношение иллюкативной функции высказывания (интенции говорящего, его цели) и локуции (речевого воплощения высказывания) – искреннее высказывание, искреннее слово, искреннее непонимание, искренняя благодарность, искреннее намерение. И все же наиболее характерным контекстом употребления русских слов искренний/искренность является сообщение об испытываемых человеком чувствах, проявление которых становится предметом этической оценки: искреннее (презрение, веселье, желание, счастье) В соединении с номинациями негативных эмоций определение искренний, имплицитно значение ‘настоящий’, формирует иронический контекст (ср.: искреннее злорадство, хамство).

Истоки ценностных смыслов категории ИСКРЕННОСТЬ обусловлены не только исторической семантикой представляющих ее слов, но и спецификой дискурсивного контекста, адаптирующего значения слова. Так, прилагательное искренний исторически является заимствованием из старо-славянского языка. Авторы этимологических словарей русского языка в большинстве своем указывают на связь др.-русс. слов искръ, искрънь в значении «близко» и ст.-слав. слова искрънь в том же значении [13:140–141]. Близость с XI в. др.-русс. и ср.-слав. слова в значении «близкий по родству» со ссылкой на И. И. Срезневского устанавливает П. Я. Черных, связывая значение «прямодушно», «от сердца» со ст.-слав. наречием искръно (искръно покаяться, искръно целоваша) [15:357–358]. Семантическая деривация значений близкий в пространстве → близкий в кругу семьи вполне закономерна, поскольку в церковнославянском (и шире – старорусском) языке «слова с пространственной семантикой, выражающие идеи перемещения, местоположения, <...>, как правило, обладают относительной свободой осмысления в терминах физического / духовного, материального / идеального» [17:47]. В то же время в церковно-славянском языке современное значение слова искренний первоначально связано с многозначным словом про'стъи, в частности, с таким его значением, как открытый, прямой, чистый [9:146]. Эти переносные значения вплетены в контекст метафор души и

нехорошо лгать человеку прямо в глаза; что нехорошо говорить человеку, что ты что-то думаешь, если ты этого на самом деле не думаешь; и что нехорошо говорить другому человеку, что ты что-то чувствуешь, если ты этого на самом деле не чувствуешь». [1:7].

сердца – прямодушный, чистосердечный, которые выступают в качестве синонимов слова искренний⁴. Можно говорить о том, что искренность выступает качеством веры, каким бы ни был ее предмет.

Семантическая деривация пространственных и оценочных значений в истории слова искренний могла поддерживаться и психологией отношений: в основе искренности лежит не только установка на говорение правды, но и доверие к собеседнику. Отношения родства, с которыми изначально связано прилагательное искренний, в культурно-историческом контексте предстают как более архаичные, нежели социальные отношения, подчиненные тем или иным конвенциям. В силу этого «искренность» может быть связана либо с эгоцентричным моделированием социума «по образу и подобию» носителя искренности, либо с архаичным моделированием по принципу «свои» / «чужие». В соотношении с семантически близкой ей коммуникативной категорией ОТКРЫТОСТИ, ИСКРЕННОСТЬ обнаруживает прагматическую ориентацию на «своих».

Можно говорить о разных типах ИСКРЕННОСТИ, фиксируемых в разных ситуациях. Соответствующее слово входит в этикетные формулы официальной и личной переписки: «Искренно Ваш, Ваша имрек», «Ваш искренний друг...», в дискурс ритуальных поздравлений, соболезнований (искренне поздравляем, искренне желаем, искренне соболезнуем, искренне сочувствуем) и т. д. и т. п. Эти клише речевого этикета, подчиненные фатической функции, воспроизводятся в ограниченном наборе речевых жанров. Наряду с этим есть иные контексты употребления слов искренний, искренне, которые содержат прагматические смыслы ‘сомнения’, ‘недоверия’, ‘разоблачения’ либо, наоборот, ‘уверения в точности’ определяемых признаков общения. Более того, сам факт упоминания искренности в том или ином контексте актуализирует прагматическую презумпцию возможной неискренности, фальши, притворства, неподлинности выражаемых мыслей, эмоций и чувств. Эти ожидания формируют имплицитный прагматический контекст напряженной рефлексии, в котором адресант, определяя меру искренности адресата, берет на себя роль этического судьи. Рефлексия такого рода обнаруживает и недоверие к собственному впечатлению адресанта. Напр.: «И

---

⁴ Истоки этой образности связаны с библейским контекстом. Ср.: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (5:8).

А. Вежицка, исследователь культурных смыслов, выраженных в языке, так передает это содержание: «Я не знаю, чего говорить нельзя, но обычно считается, что нехорошо лгать человеку прямо в глаза; что нехорошо говорить человеку, что ты что-то думаешь, если ты этого на самом деле не думаешь; и что нехорошо говорить другому человеку, что ты что-то чувствуешь, если ты этого на самом деле не чувствуешь». [1:468].

совершенно невозможно понять, чего в этом больше – расчёта или искренности». [Игорь Порошин. Против Америки с любовью. Ирина Слуцкая идет второй после короткой программы (2002) // «Известия», 2002.02.20]; «Самое важное в том, что Василий Иванович был добрым, искренним и душевным. В стенах Государственной Думы он со своей рабоче-крестьянской прямоотой рубил правду-матку, смело бросался (если считал себя правым) в драки <...>. В общем, жил как дышал. Не лукавил. Во всяком случае, я ни разу не почувствовала никакой фальши» // [Ольга Вандышева. «Василий Шандыбин был добрым, искренним и душевным человеком» // [Комсомольская правда], 2019.01.14.].

Субъективный характер подобной «диагностики» предопределяет достаточно регулярную проекцию искренности на оценочную шкалу. Оценочные когниции призваны фиксировать меру проявления искренности: ср.: Майор продолжал: — Мы ждём от вас полнейшей искренности. Рассчитываем на вашу помощь. [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)]. Степень искренности определяла представительная идеологическая комиссия, которая напряжённо работала на регулярной основе. [Василь Быков. Лесное счастье (1985–1995)]. От коротких безыскусственных страничек веяло глубокой искренностью и евангельской простотой. [А. М. Хирьяков. Около Л. Н. Толстого (1909)]. Очень большая искренность столкнулась с человеком, живущим в свое удовольствие. [Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008)]. Моя свекровь с виду души не чаёт во внуке, а все, кто ее видел – говорят – искренности в ней ноль ([Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)]. В национальном корпусе русского языка, откуда взяты эти примеры, искренность предстает (в ряду разноречивых характеристик) и как запредельная, и как злая, и трогательная, и замечательная, и невероятная, и дикая. Эталонным качеством искренности становится ее детскость (детская, ребяческая искренность). Будучи спонтанной реакцией на поведение Другого (один говорит, другой оценивает), искренность квантируется, метафорически представая в категориях физической динамики (порывы искренности) или света (проблески искренности), дискретных временных характеристик (минутная искренность); ее отсутствие маркируется фразеологизмом – ни капли искренности, в образной основе которого – метафора жидкости, типичная для предикатов внутреннего состояния.

Искренность является своеобразной мерой таланта, этот признак последовательно применяют по отношению к лирике, музыке, игре актеров, она оказывается обязательным условием творчества. Не случайно в русской театральной школе закрепился критерий актерской игры Станиславского – «не верю», а «верю» появляется в контексте абсолютной искренности актера: «Мне кажется, что волшебные стихотворные строчки, насытившие ткань фильма, создали интимную атмосферу, своего рода «магию искренности и задушевности», которая, несомненно, проникла в зрительские сердца, задевая сокровенные

струны души». [Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)]; Работают-то без души, где нет искренности, там нет творчества. [... Всех задерживаем... (форум) (2005–2007)].

Социологический эксперимент, проведенный Ю. А. Храмовой, позволил суммировать представление россиян об искреннем человеке. «В сознании российских респондентов искренний человек представлен как юноша/девушка /ребенок / мужчина, открытый для общения, который делится информацией сугубо личного характера, способный хранить тайну, выстраивающий отношения на доверии и уважении, готовый помочь и дать совет, поддерживающий в любой ситуации, бескорыстный, обладающий чувством такта, вызывающий светлое доброе чувство, положительные эмоции и общественное одобрение такого поведения. <...> Русские люди указывают на ряд характеристик искреннего человека, основные качества: добрый – 29 %, честный – 27, правда – 26, открытый – 18, помощь – 17, правдивый – 12, смелость – 12, забота – 11, доверие – 11, дружба – 9, справедливый – 8, душевная чистота – 7 %» [14:150].

Если портрет искреннего человека в сознании русского человека реконструируется на уровне стереотипов коллективного сознания, то в украинском языке он закрепляется на уровне словарных значений слова. Вполне закономерно, что значение украинского слова ЩИРИЙ значительно шире русского эквивалента и насчитывает несколько лексико-семантических вариантов (лексем) [12:585]. Первое значение украинского слова – «Який прямо, безкорисливо, чистосердечно виражає свої почуття, думки, відвертий, правдивий» совпадает со значением русского слова искренний. Другие семантические варианты соотносятся с иными русскими словами. Так, значение – «Який охоче приймає кого-небудь, наділяє чимсь від душі: приязний, гостинний» – соотносится с русским словом радушный. // «Пройнятий сердечною теплою, відвертістю» – с русскими словами добросердечный, открытый. «Сповнений ласки, доброти, душевності; привітний» – в русском варианте – добродушный, приветливый; «Який виражає справжні, невідомі почуття, думки. // Сповнений життєвої правди» – правдивый, искренний. Обращают на себя внимание метапредикаты толкований: пройнятий, наповнений, сповнений, которые задают параметр эмоциональной полноты внутреннего мира «щирої людини».

Во втором значении слова щирый – «Справжній, дійсний на що, до чого і без додатка. Самовідданий, старанний, завзятий» – совмещены разные оценочные планы: общий план – настоящий, действительный и частный – усердный. В слове Б. Гринченко эти планы разведены по разным ЛСВ. Ср. : «Щирий, а, е. 1) Искренний. Щира душа. Ном. Щире серце. Чуб. III. 266. 2) Истинный, настоящий, неподдільный, суцїй. Добра та рада, де щирая правда. Ном. № 6130. Щирий козак ззаду не нападається. Ном. № 4199. Це не казка, а щирая правда. Чуб. II. 27. 3) Настоящий, безпримісний, чистий. Щирий пісок. Радом. у. Ходить зайчик по

щирім бору. Грин. III. 109. Зробив ворітця із щирого злітця. Чуб. III. 295. Огородив двір щирим залізом. Чуб. 4) Усердний, прилежний. Щирому і Бог помагає. Ном. № 4436. Ой запрягайте батькови коні ой щирі вороні. Мет.» [3]. В наборе этих значений обнаруживается совпадение значения русского слова искренний только с первым ЛСВ украинского слова щирий. Остальные русские корреляты реализуются в самостоятельных лексемах, формирующих развернутое поле позитивной оценки внутреннего мира человека.

В наборе номинаций значения искренний, представленных в словарном толковании В. Даля, фиксируется и собственно «ширий» как южный диалектный вариант искренний [4:583–584]. Эта особенность побуждает рассмотреть источники образования украинского слова, тем более, что это слово есть и в белорусском языке (шчыры, чыстасардэчны), и в ряде западно-европейских языков, в том числе и в польском. Характерно, что слова щирий нет в «Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского», как и в «Словнику староукраїнської мови 14–15 століть». Как считает А. М. Лавриненко, «уже один факт отсутствия этого слова в древнейших памятниках, обработанных И. И. Срезневским, может свидетельствовать о том, что слово ЩИРИЙ в украинский и белорусский языки пришло из польского, где именно в таком виде оно существовало до 15-го века. В последующий период в польском языке все сочетания IR перешли в ER. Поэтому сейчас по-польски это слово выглядит так: SZCZERY. Аналогично: украинское КОВНІР – польское KOŁNIERZ, украинское ЖОВНІР – польское ŻOŁNIERZ...»⁵.

Исторические связи слова щирий фиксируются в [«Этимологичний словник української мови»] под ред. Мельничука, однако источник происхождения этого слова не идентифицируется [16]. А. Брюкнер, автор «Этимологического словаря польского языка», прямо указывает на польский язык как источник для восточнославянского заимствования ЩИРИЙ. Предполагается, что это праславянский диалектизм ЩИР- // ЧИР- от реконструируемого корня *skeiŋo- // *keiŋo- «чистый, прозрачный, натуральный. Родственные слова обнаруживаются в готском, немецком, английском, староирландском» [18]. Подтверждением такой реконструкции могут быть и исторически складывающиеся значения польского слова SZCZERY: открытый, правдивый, искренний, свободный от примесей, чистый, однородный, цельный, настоящий [19:597], полностью совпадающие с семантическим рядом значений украинского слова.

В семантической реконструкции значений русского слова искренний нет значений «свободный от примесей», «однородный», «цельный», «настоящий», входящих в структуру украинского слова щирий. Тем не менее главенствующая роль искренности в иерархии этических оценок общения допускает ассоциативную связь признаков цельный и

настоящий с основным значением слова. Подлинный, настоящий – именно с этими признаками связаны основные значения ц.-сл. прилагательного про'сти, семантическим дериватом которого стало слово искренний. Этот ассоциативный признак в значении русского слова в украинском языке образует отдельное значение, которое входит в ряд смыслов, определяющий базовые свойства мира и человека. Именно аксиологический ряд задает то значение слова щирий, которое в русском языке закреплено за словом истинный: щирий українець, щирий патріот, щирий християнин, «щирий український парубок»⁶. Если же слово, с которым соединяется слово щирий, содержит негативную коннотацию, то значение истинный, трансформируется в настоящий: щирий міщанин, щирий провокатор (настоящий мещанин, настоящий провокатор). Прямое вхождение этого прилагательного в антропоморфные метафоры, включающие символически значимые в христианском дискурсе слова – щира душа, щире серце, – поддерживает целостность развернутого художественного образа, который в русском языке уже трансформирован во внутренней форме сложных слов – добросердечный и прямодушный.

И прилагательное искренний, и образованное от него существительное искренность актуализируют семантические доминанты в ряду таких противопоставлений: в поведенческом плане ИСКРЕННОСТЬ наряду со СПОНТАННОСТЬЮ противопоставляется СДЕРЖАННОСТИ и УМЕРЕННОСТИ; в плане психологическом – СКРЫТНОСТИ и ХИТРОСТИ, в плане этическом – ЛИЦЕМЕРИЮ, ПРИТВОРСТВУ и ФАЛЬШИ, а в плане культурно-цивилизационном – ФОРМАЛЬНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ и ТОЛЕРАНТНОСТИ⁷. Будучи своеобразным

⁶ Материалы украинского языка сверялись по «Корпусу української мови» [Электронный ресурс]. – адреса доступу <http://www.mova.info/corpus.aspx?11=209>

⁷ Ср. 1. *Прошу простить меня за мою нетактичную прямоу и искренность.* [З. Н. Райх. Письмо А. М. Горькому (1928)]. 2. *«В его тоне не было никакой деланности или формальной вежливости. Только искренний интерес и участие».* [Герман Садулаев. Таблетка (2008)]. 3. *Я готов был кинуться на шею отца красавицы, но этот неискренний тон светской учтивости, эта хладнокровная встреча оледенили меня.* [А. А. Бестужев-Марлинский. Следствие вечера на кавказских водах (1830)]. 4. *Я давно научился отмечать то особое придыхание, с которым лгут пожилые полные женщины, и знал, что всё, что произносилось Еленой Наумовой, – произносилось звучным, богатым чувственными интонациями голосом, – всё, что сопровождалось громким переливчатым смехом, придававшим её словам особую сердечность и искренность, – всё это было чистой воды враньём.* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]. 5. *Пусть искренность выглядит в сегодняшней России глупостью или хитростью: бывало и это, а потом уходило в небытие.* [Равиль Бухараев. О духовной

⁵ Это мнение этимолога высказано в частной переписке.

«приговором» состоянию внутреннего мира участников общения и их поведения, ИСКРЕННОСТЬ актуализирует в этом соотношении ценностный параметр ИСТИННОСТИ и ПРАВДЫ. Этот бинарный концепт является краеугольным камнем русской культуры и предметом постоянной озабоченности русского человека, который привык «резать правду-матку», для которого «Доброе дело – правду говорить смело», который уверен в том, что «Правдой не обидишь, кривдой не возьмешь», что «Сила не в силе, а в правде». Наивная аксиология русского пословичного фонда отражает установки обыденного сознания, ценностную убежденность его субъектов в значимости говорения ПРАВДЫ, ПРЯМОТЫ выражения мыслей и чувств, в то время как ИСКРЕННОСТЬ исторически является христианской ценностью и своеобразной коммуникативной заповедью русского интеллигента. На национальную специфику этой категории указывают лингвисты: «Для русского мира важнейшее значение имеет постулат искренности («не говори неправды» / «говори правду»), а для англосаксонского и других названных (японская, малайская модели поведения – прим. Л. С.) — постулат толерантности («не говори неприятного для адресата» / «говори приятное для адресата» [2:355].

Истоки такой роли искренности в оценке поведения человека обнаруживаются в русской истории. Именно в 60-е годы 19 века в России формируется новая субкультура, носителями которой становится разночинная интеллигенция. Исследователь русской культуры Виктор Живов отмечает цивилизационный конфликт носителей русской элитарной культуры европеизированного типа с ее культом вежливости и носителей маргинальной русской культуры (нигилистов), делавших установку на естественность, искренность и нередко – сопряженный с ними эпатаж [5:685]. В исторической перспективе последовательное уменьшение носителей элитарной культуры приводит к изменению культурной доминанты: установки маргинальной культуры становятся центральными. Ср.: «По-прежнему в расхожих беседах и пафосных заявлениях искренность поступков является индульгенцией всему переживаемому и пережитому. И так же спокойно служит отрицанию или незамечанию всего сопутствующего и неприятного к поминанию» [8].

Культурно-цивилизационное противопоставление ИСКРЕННОСТИ и ВЕЖЛИВОСТИ обуславливает перманентный цивилизационный конфликт русских с представителями иных национальных культур. Ср.: «В разговоре об отрицательных чертах японцев русский человек чаще всего посетует на их непрямоту, на недостаточную искренность в нашем

понимании этого слова». [Всеволод Овчинников. Ветка сакуры (1971)]. Конфликт иного рода наполняет смыслом парадоксальные выражения типа «искренность хамства» и «союз искренности и цинизма» (Дм. Пригов). В первом случае гипертрофия значимости этой категории обусловлена спецификой обывательского дискурса, фиксирующего грубость содержания и речевой формы, во втором – политического (и шире – идеологического) дискурса, девальвирующего этическое содержание⁸. Дискурсивные трансформации ИСКРЕННОСТИ как ценностной категории русской культуры обуславливают иронический характер ее постмодернистской интерпретации (общеевропейской по своей сути) и ее новое содержание в качестве художественной категории (также «общеевропейской» по происхождению), определяемой как «новая искренность». Эта художественная категория опять же связана с смыслами ИСТИНЫ И ПРАВДЫ, покоящимися в глубинах подсознательного, но это уже правда ТЕЛА и ТЕЛЕСНОСТИ как экзистенциальных категорий.

ВЫВОДЫ:

1. Речеповеденческий план семантической категории ИСКРЕННОСТИ обнаруживает национальную социокультурную специфику. Эта специфика складывается исторически, содержательно она обусловлена высокой значимостью концепта ПРАВДЫ в русской культуре

⁸ Позволю себе весьма обширную цитату Дм. Пригова, известного русского поэта-концептуалиста, проливающую свет на этот принципиально важный план русской искренности: «Помнится, в одном интервью Иосиф Давидович Кобзон на вопрос, как же это он пел такие сомнительные, на взгляд интервьюера, песни, вроде «Малой земли», резонно отвечал, что там ведь погибло великое множество людей. Почему нельзя петь? Действительно, и там погибло великое множество. В этом мы полностью на стороне исполнителя. Если бы он несколько лукаво не пытался избежать ответа на тот вопрос, который ему задавали и который он отлично понимал. <...> То есть вопрос прост и откровенен — выбор репертуара в немалой степени есть акт идеологического и политического предпочтения, еще до самого факта искреннего артистического вживания и переживания исполняемого материала. <...> искреннему переживанию благородных артистов нет предела. Они ведь искренни.

Как, помните, несколько из другой области и несколько с другими акцентами, но все же.

У старушки вырос кабачник, а резать она его, беденькая, не может. Ну не может! Зовут местных хулиганов сотворить это злодейство. Они соглашаются. Из сарайчика несутся вопли, крики, ругань. Наконец выходит один, весь в крови. «Как, зарезали?» – с надеждой вопрошает старушечка. «Ну, зарезать не зарезали, а пендюлей навешали». Вот так вот. Вот она великая и неосуждаемая искренность/И что же из всего этого следует? Ну, может, не следует с непреложностью, но хотя бы желаемо? А то, что в нашей сегодняшней жизни нам весьма потребны, хотя бы на паритетных началах с искренностью и цинизмом, которых ныне навалом, – разумность и добропорядочность» [8].

и не очень высокой значимостью общественной КОНВЕНЦИИ, фиксирующей значимость партнера по общению.

2. Сопоставительный семантический анализ слов ИСКРЕННИЙ и ЩИРИЙ и контекстов их употребления в русском и украинском языках показал, что эти слова не совпадают в объеме значения. Объем значения слова *щирий* шире значения русского слова, которое соотносится только с одним из его ЛСВ. Большая часть значений украинского слова служит для общей характеристики эмоционального состояния человека в отношении к Другому и связана с номинацией онтологических свойств человека и мира. Русские контексты фиксируют устойчивую рефлексии по поводу искренности собеседников и склонность участников общения выступать в роли субъекта этической оценки.

3. Проанализированный материал показывает неустойчивую динамику отношения к коммуникативной категории ИСКРЕННОСТИ в русской лингвокультуре, изменчивость ее

культурного и эстетического содержания. В украинском языке слово ЩИРИЙ не обнаруживает динамики внеязыкового культурного содержания, оставаясь средством социально-психологической характеристики человека. Семантическое пространство лексического значения слова ЩИРИЙ, в отличие от его русского коррелята, обнаруживает признаки фрагмента языковой картины мира, включающего исходные культурные христианские образы.

4. Исторические источники этих слов – старославянский язык для русского слова и польский – для украинского – обусловили характер их семантической деривации. В русском слове исходные смыслы пространственной близости и близости родства проявляются опосредованно в характеристике речевых ситуаций. В украинском – исходные смыслы практически не изменились и распределяются в качестве отдельных лексико-семантических вариантов в семантической структуре значения слова.

Литература

1. Вежицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке / Анна Вежицка // Русский язык в научном освещении. — № 2 (4). — М. : ИРЯ РАН, 2002. — С. 6—34.
2. Гловинская М. Я. Постулат искренности vs постулат толерантности и их производные в разных культурных и языковых моделях поведения. // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. / Редактор : Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. — М. : «Олма-пресс» — 2005. — 542 с.
3. Гринченко Б. Д. / Борис Гринченко Словарь украинского языка / Словарь української мови. — 1907—1909 (1958—1959). В 4 тт. — К. : Київская старина. — Т. 4. [электронный ресурс] / — режим доступа : <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1490005>
4. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Т. II. — М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. — С. 583—584.
5. Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. / В. М. Живов — М. : «Языки славянской культуры», 2002. — С. 685—704.
6. Корпус української мови [электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.mova.info/corpus.aspx?l1=209>. — Назва з екрана.
7. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru>. — Назва з екрана.
8. Пригов Д. Искренность — вот, что нам всего дороже / Дмитрий Пригов / [электронный ресурс]. Режим доступа : <http://polit.ru/article/2005/08/27/prigov12082005/>. — Назва з екрана.
9. Савченко Л. Р. Языковая концептуализация ОБИДЫ : вариации на тему одной из работ И. И. Срезневского // Вісник Харківського національного університету. Серія “Філологія”. — 2012. — № 1021. — С. 84—90.
10. Седакова О. А. Церковнославянорусские паронимы. Материалы к словарю. / О. А. Седакова. — М. : ГЛК Ю. А. Шичалина, 2005. — 496 с.
11. Словарь русского языка : В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз., Под. ред. А. П. Евгеньевой — 3-е изд., стер. // — М. : Рус. яз.; 1986. — Т. 1. А—Й. — 699 с. 26.
12. Словник української мови / Гол. ред. І. К. Білодід / ТТ. 1—11, Київ : «Наукова думка», 1970—1980 ; Т. 11. — С. 585—586.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Макс Фасмер / Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. Под редакцией и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Издание второе, стереотипное. В четырех томах. // — М. : «Прогресс», 1986. — Том 2 (Е—МУЖ). — 671 с.
14. Храмова Ю. А. Лицемерие и искренность. // Антология концептов. / Под ред. А. И. Стернина, В. И. Карасика. — Т. 8. — Волгоград : Парадигма, 2011. — С. 137—156.
15. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Вед. ред. Т. Л. Беркович, Ю. М. Миронова. — Т. 1 (А — ПАНТОМИМА). — М. : «Русский язык», 1999. — 614.
16. Етимологічний словник української мови : В 7 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні / Редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. — К. : Наук. думка, 1983 / Т. 7 / Укл. : Р. В. Болдирев та ін. — 1989. — 552 с.
17. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. — 1998. — № 3. — С. 43—73.
18. Brückner A., Słownik etymologiczny języka polskiego/ A. Brückner. — Warszawa 1993 (przedruk wydania 1927). — S. 544.
19. Boryś W., Słownik etymologiczny języka polskiego / W Boryś. — Kraków : Wydawnictwo Literackie. — 2006. — 862 s.